

Валентин Лак

**ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОРЕЙЦЕВ
НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ
1860-1880 ГОДЫ**

ЗЕМЛЯ ВОЛЬНОЙ НАДЕЖДЫ
Книга 4

Валентин Пак
**Переселение корейцев Дальний
Восток России. 1860-1880 годы**
**Серия «Земля вольной
надежды», книга 4**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27095429

*Переселение корейцев Дальний Восток России. 1860-1880 годы. Земля
Вольной Надежды. Книга 4 / В. Пак.: Валентин; Владивосток; 2013
ISBN 978-5-906288-07-3*

Аннотация

Переселение корейцев в восточные пределы Российской империи, начавшееся в первой половине 1860-х годов, было обусловлено многими причинами, в первую очередь – социальными и экономическими. В дальнейшем процесс корейской иммиграции получил и определенное политическое значение, так как затрагивал отношения России с Китайской империей и Корейским королевством. Одним из первых описал произошедшее переселение военный географ Н.М. Пржевальский в хорошо известной книге «Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г.» 1870 года издания. События того периода были и сложными, и трагическими, и не столь

уж стихийными. Наиболее полно и объективно процессы, разворачивавшиеся на восточных российских территориях вокруг корейских иммигрантов, описаны в монографиях доктора исторических наук А.И. Петрова («Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы XIX века») и заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Б.Д. Пака («Корейцы в Российской империи»). Кроме того, многочисленные и достаточно редкие сведения найдены в документах того периода, хранящихся в архивных фондах, а также в российских печатных изданиях, включая научные записки, отчеты, обзоры, журналы и газеты. Исследуя материалы, автор попытался воссоздать наиболее полную и достоверную картину переселения корейцев и их повседневной жизни в российских владениях.

Содержание

Введение	5
Часть 1	15
Как Корея стала соседкой России	15
Кто жил в Южно-Уссурийском крае	23
И вот пришли русские...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валентин Пак

Переселение корейцев Дальний Восток России. 1860–1880 годы. Земля Вольной Надежды. Книга 4

Автор приносит огромную благодарность Ивану Николаевичу Егорчеву за помощь в подборе материалов и подготовке рукописи.

Введение

Переселение корейцев в восточные пределы Российской империи, начавшееся в первой половине 1860-х годов, было обусловлено многими причинами, в первую очередь – социальными и экономическими. В дальнейшем процесс корейской иммиграции получил и определенное политическое значение, так как затрагивал отношения России с Китайской империей и Корейским королевством. Следует заметить, что большинство историков и публицистов – как дореволюционного периода, так и современных – описывают это переселение весьма схожими выражениями. Картина представля-

ется примерно такой: тысячи корейцев, спасаясь от неминуемой голодной смерти у себя на родине, стихийно устремились в Южно-Уссурийский край России, где были приняты с состраданием и заботой, снабжены продовольствием и расселены на пустующих землях.

Одним из первых описал произошедшее переселение военный географ Н.М. Пржевальский в хорошо известной книге «Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г.» 1870 года издания. Отметим при этом, что, учитывая период пребывания в Уссурийском крае, исследователь практически был современником развернувшихся событий, и к его непосредственным впечатлениям мы еще вернемся. Вот выдержка из главы IV книги Н.М. Пржевальского.

«К числу замечательных явлений, совершающихся последнее время на крайнем востоке Азии, следует отнести также иммиграцию корейцев в пределы России и образование ими здесь новых колоний. Густая населенность Корейского полуострова и развившиеся там вследствие этого нищета и пролетариат; грубый деспотизм, оковавший собою все лучшие силы народа; наконец, близость наших владений, обильных плодородною, нетронутою почвою – все это было сильною пружиною, достаточную даже для того, чтобы заставить и неподвижных жителей востока отречься от преданий прошлого и, бросив свою родину, искать себе, при новых условиях и новой обстановке, лучшей и более обеспеченной жизни.

И вот, боязливо, как будто еще не решаясь покончить вдруг со всем прошлым, начали мало-помалу жители ближайших к нам владений Кореи изъявлять свою готовность на переселение в русские пределы.

С нашей стороны подобное заявление было встречено с полным сочувствием, и еще в 1863 г. к нам переселилось 12 семейств.

Затем переселение повторялось каждый год, так что в настоящее время в наших пределах образовались три корейские деревни – Тызен-хэ, Янчи-хэ и Сидими (Дер. Тызен-хэ лежит в 18 верстах от Новгородской гавани в заливе Посьета; Янчи-хэ – в 14 верстах от той же гавани, а Сидими в 80 верстах севернее ее. Все три деревни расположены на берегу речек того же имени. – Прим. автора), в которых считается 1800 душ обоего пола.

Пример всех этих переселенцев сильно действует на пограничное корейское население, так что и теперь еще есть много желающих переселиться к нам. Со своей стороны, корейское правительство всеми средствами старалось и старается приостановить подобное переселение и употребляет самые строгие меры, расстреливая даже тех корейцев, которых удастся захватить на пути в наши владения. Однако, несмотря на это, корейцы бросают свои фанзы, тихомолком ночью переправляются через пограничную реку Тангу (Гаоли-дзян или Тумень-дзян) и уже там, иногда даже под прикрытием наших солдат, безопасно следуют в Новгородскую гавань.

До чего корейское правительство чуждается всяких сношений с русскими, можно судить уже из того, что начальник пограничного города Кыген-Пу запретил жителям под страхом смерти продавать что-либо русским и приказал уничтожить все лодки, находящиеся в городе, для того, чтобы никто из корейцев не мог переезжать на левую сторону реки, где стоит наш пограничный пост. Однако, несмотря на строгое запрещение своего начальника, жители Кыген-Пу зимою, когда замерзнет река, приходят ночью на этот пост в гости к солдатам».

Сравним текст Н.М. Пржевальского с описаниями известного литератора А.Я. Максимова из его работы «Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды», изданной в 1894 году, через четверть века после книги Н.М. Пржевальского.

«С 16-го мая 1858 года, со дня подписания известного Айгунского трактата, мы сделались непосредственными соседями Кореи или «Азиатской Италии» (А.Я. Максимов несколько ошибается: Россия стала непосредственно граничить с Кореей на 2.5 года позже, после заключения Пекинского трактата, о чем подробнее будет рассказано ниже – В.П.) ... С первого же момента нашего географического сближения с Корейским полуостровом правители последнего проявили большую подозрительность. Не желая выйти из многовековой замкнутости, корейский владыка повелел начальнику пограничного города Кыген-Пу воспретить жителям под страхом смертной казни какие-либо сношения с русскими».

ми соседями. Упомянутый начальник, покорный воле своего властителя, приказал уничтожить все перевозочные средства, бывшие в городе, и всюду расставил часовых с строгим приказанием стрелять в каждого ослушника королевского повеления. Несмотря, однако, на эти строгости, корейцы не замедлили войти с нами в тайные сношения, рискуя при этом головой. В зимнее время они скрытно переходили ночью через замерзшую пограничную реку Тумень-Ула (Гаоли-дзян – прим, авт., Туман-ган – В.П.) с единственным желанием побывать в гостях у добродушных русских солдат, расположенных по границе. Корейцы, видимо, страстно желали сблизиться с подданными могущественного Белого Царя, о котором уже издавна ходила в народе знаменательная легенда. Последняя указывала на Белого Царя как на спасителя корейцев от всех бед, как на избавителя их от дикого, страшного произвола деспотических, алчных правителей.

Под впечатлением этой легенды, а также секретных сношений с русскими солдатами, корейское пограничное население северной области Хам-Киона востребовалось и начало готовиться к тайному переходу в наши вновь приобретенные владения, привлекавшие корейцев нетронутым плодородием и богатством почвы. Несмотря на суровые законы, карававшие за каждый переход границы смертной казнью отсечением головы, корейцы уже с 1863 года начали переселяться в Южно-Уссурийский край целыми семьями, с полным скарбом своего имущества и земледельческих орудий. Первыми

прибыли в край тринадцать семейств землепашцев и просили принять их под высокую руку Белого Царя.

Их приняли радушно и поселили на реке Тызин-хэ (теперь река Виноградная, правый приток реки Гладкой в Хасанском районе Приморского края – В.П.), близ корейской границы. Эмигранты скоро обстроились и зажили в полном довольстве. Успех первой попытки произвел в Корее сильное впечатление, и эмиграция в наши пределы разом приняла довольно обширные размеры, несмотря на все усилия корейского правительства остановить вредное для страны народное движение.

Переселенцев десятками хватали на границе и предавали смертной казни за попытку выселения, но они продолжали переплывать реку Тумень-Ула или тайком шли через Маньчжурию (северо-восточные провинции Китая – В.П.).

Наша местная администрация принимала переселенцев первое время благосклонно, видя в них не кочующих, голодных орочей, гиляков или тунгузов, не безнравственных, бес семейных маньцзи (китайцев – В.П.), а трудолюбивых, честных, высоконравственных рабочих и землепашцев, в которых чувствовался тогда в крае большой недостаток. Одних выходцев поселили на реках Янчи-хэ (теперь Цукановка – В.П.), Сидими (теперь Нарва – В.П.) и Монгучай (видимо, опечатка; правильно Монгугай, теперь Барабашевка – В.П.); других переслали на отдаленный Амур, где они основали большую колонию вблизи Благовещенска» (с. Благословен-

ное на устье р. Самара – В.П.).

Описание А.Я. Максимова, хотя и публицистически заостренное, представляет Россию исключительно с положительной стороны, во многом повторяя и даже скрыто цитируя книгу Н.М. Пржевальского. Мало отличаются от подобной подачи работы иных дореволюционных историков, из которых, собственно, черпал сведения и факты А.Я. Максимов. Впрочем, последний посещал Южно-Уссурийский край в начале 1980-х годов и был очевидцем некоторых негативных сторон переселения корейцев в Россию, о которых он достаточно резко писал в газетных публикациях (значительно скорректировав свои впечатления в тексте более поздней книги).

Разумеется, произведения Н.М. Пржевальского и А.Я. Максимова можно рассматривать как художественные, хотя и основанные на реальных исторических фактах. Поэтому приведем небольшую цитату из сугубо официальной работы П.Ф. Унтербергера, военного губернатора Приморской области в 1888–1897 годах, составившего и издавшего историко-экономический очерк возглавляемой им области за период с 1856 года, то есть с начала ее возникновения.

В главе VI своего труда он писал: «Следует еще коснуться переселения одной народности, которая занимает видное место в составе населения края. Это корейцы. Начался их переход к нам из Кореи на нашу территорию в начале 60-х годов, сперва в ограниченном числе, а впоследствии и боль-

шими массаами. Причину этого нужно искать в неурожаях, периодически повторявшихся в прилегающих к нашей границе провинциях Кореи, в выпаханной там почве и в беспощадной эксплуатации корейского населения у себя дома, своими чиновниками. Пришельцы из Кореи селились сначала в окрестностях залива Посьет, а затем распространялись по речкам, впадающим в Амурский залив с западной стороны.

В 1869 году картина совершенно изменилась. Вследствие сильных дождей в северной Корее был полный неурожай, а последствием его – голод. Около 7000 корейцев покинули свою родину, голодные толпы их перешли нашу границу и тут же очутились в беспомощном состоянии. Сначала их старались вернуть обратно, но они наотрез отказались исполнить это требование, соглашаясь скорее погибнуть у нас, чем возвратиться на родину, где их за своевольный уход за границу ожидали жестокие кары и казни. Ввиду этих чрезвычайных обстоятельств нашей администрации волей-неволей пришлось принять энергичные меры к облегчению их участи как по распределению их на зимовку, так и по прокормлению до весны. Делалось это частью из сострадания, частью из опасения, как бы не появились между ними повальные болезни, которые могли перейти и на русское население. Вначале администрация наша индифферентно смотрела на переселение к нам корейцев, в последующие же годы, до 1869 г., она относилась к этому факту даже друже-

любно, так как благодаря корейским поселениям, занимавшимся почти исключительно земледелием, подешевели земледельческие продукты в тех районах, где оседали корейские выходцы».

В действительности события того периода были и более сложными, и более трагическими, и не столь уж стихийными. По крайней мере, российские власти пытались управлять переселением корейцев (впрочем, не всегда успешно), при этом вполне осознавая и экономические, и политические аспекты столь сложного и неоднозначного процесса. Наиболее полно и объективно события, разворачивавшиеся на восточных российских территориях вокруг корейских иммигрантов, описаны в монографиях доктора исторических наук А.И. Петрова («Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы XIX века». Владивосток: ДВО РАН, 2000) и заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Б.Д. Пака («Корейцы в Российской империи». Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1994). Кроме того, многочисленные и достаточно редкие сведения могут быть найдены в документах того периода, хранящихся в архивных фондах, а также в российских печатных изданиях, включая научные записки, отчеты, обзоры, журналы и газеты. Эти документы не были недоступными, но их выборочное цитирование некоторыми исследователями создавало, на наш взгляд, неполную и потому не вполне достоверную картину

переселения корейцев и их повседневной жизни в российских владениях.

Часть 1

История с географией

Как Корея стала соседкой России

Многолетние усилия генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского и посредническая военнодипломатическая миссия российских посланников в Китае Е.В. Путятин и Н.П. Игнатьева привели к тому что в 60-х годах XIX века установилась окончательная линия границы между Российской и Китайской империями. Начало этой стабильности было положено подписанием 16 мая 1858 года Айгунского договора с Китаем. Согласно этому договору левый берег Амура (от реки Аргунь до устья) был закреплен за Россией, правый (до впадения реки Уссури) – за Китаем. Маньчжурские поселения на левом берегу Амура остались в ведении китайских властей. Плавание по рекам Амуру Уссури и Сунгари позволялось только русским и китайским судам. Разрешалась взаимная свободная торговля русского и китайского населения. И самый важный пункт (особенно в свете будущих отношений между Кореей и Россией): территория между рекой Уссури и морем оставалась неразграниченной и была признана временно находящейся «в общем

пользовании» обоих государств. При этом подразумевалось, что граница между Кореей и Китаем проходит по реке Туманган

(Тумандзян, Тюмень-Ула, Туманная).

После подписания Айгунского договора, подтвержденного Тяньцзиньским трактатом, заключенным в июле 1858 года, оставалась решить очень важную проблему: в ближайшем будущем следовало провести границу между Китаем и Россией «от реки Уссури до моря». Столь расплывчатая формулировка была вызвана тем, что географию этой местности никто толком не знал. Например, одно из описаний Приамурья тех лет повествовало, будто река Уссури вытекает из огромного озера, расположенного в горах Сихотэ-Алиня примерно в районе нынешнего города Арсеньева. Понятно, что границу между Китаем и Россией теоретически можно было провести от истоков Уссури, и тогда она вышла бы к морю примерно в районе залива Ольги. Поэтому Н.Н. Муравьев-Амурский занялся подготовкой экспедиции для исследования верховий реки Уссури (летом 1858 года это сделал М.И. Венюков) и посылкой на место разграничения отряда военных топографов для составления подробных планов и описаний граничных земель.

В октябре 1858 года он сообщал о своих планах исследователю Е.П. Ковалевскому, известному своими путешествиями в Китай: «К Перовскому я буду писать официально в отношении определения нашей границы от Уссури до моря,

ибо полагаю необходимым сделать это сколь возможно поспешнее, во исполнение 9-го пункта Тянь-Цзинского трактата; предлог у нас с китайцами будет все тот же, чтоб англо-французы не захватили какой-нибудь бухты между Кореею и нашими владениями, и потому лучше, чтоб весь берег до Кореи был наш! Я, как вам писал уже, намерен отправить межевую комиссию по Усури с вскрытием льда, т. е. 1-го апреля, и буду просить Перовского, чтобы китайская комиссия прибыла к вершинам Усури около того же времени...» (все документы за подписью Н.Н. Муравьева-Амурского цитируются по книге И.П. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии)», М., 1891 год).

К этому письму генерал-губернатора необходимы пояснения. Действительный статский советник П.Н. Перовский в это время находился в Пекине, где вел длительные и почти безрезультатные переговоры с китайской стороной о разграничении земель. Тяньцзиньский трактат состоял из 12 статей; в целом он развивал и закреплял положения Айгунского договора. В 9-й статье говорилось, что неопределенные части границ между Китаем и Россией будут «без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств» и согласованное условие о граничной черте составит дополнительную статью к трактату. Следовательно, нужны были подробные и точные карты местностей по ко-

торым должна пройти граница. В этот довольно краткий период времени роль Н.Н. Муравьева-Амурского волею судеб оказалась определяющей в историческом плане: именно от его решения на месте и тех инструкций, что он давал топографам, зависело прохождение будущей пограничной линии «от реки Уссури до моря».

От своего намерения провести границу как можно ближе к Корее (и тем самым не дать выхода Китаю к морю) Н.Н. Муравьев-Амурский не отказался; более того, он упорно предпринимал практические усилия для этого. В то время крайним южным пределом распространения российского влияния считалось устье реки Суйфун (теперь Раздольная), которое было точно определено и нанесено на карту экспедицией астронома Л. Шварца еще в 1855 году. Именно о Суйфуне как о будущей границе с Китаем и шла поначалу речь. В этом случае Китай получал бы в свои владения значительную территорию между реками Суйфун (Раздольная) и Туманган (Тюмень-Ула), то есть весь современный Хасанский район и часть Надеждинского района Приморского края с выходом к Японскому морю, а Россия не граничила бы с Кореей. В донесении Великому Князю Константину Николаевичу от 16 ноября 1858 года Н.Н. Муравьев-Амурский писал: «Об определении нашей границы я получил отношение... от Айгунского амбана, который сообщает, что их чиновники будут высланы к устью Уссури и к устью реки Суй-Фуна, впадающей в море; но нам желатель-

но было бы иметь границу до бухты Посъета, что около ста верст южнее впадения Суй-Фуна; тогда бы мы владели всем приморским берегом до

Кореи, и я надеюсь, что убеждения Перовского в Пекине и наших комиссаров на местах приведут к этому результату».

Время шло; китайские власти под разными предлогами не посылали в Южно-Уссурийский край своих представителей. Для ускорения этого процесса из Петербурга в Пекин был направлен новый посланник – Н.П. Игнатъев, молодой генерал-майор. Его дипломатический подход составлял необходимый контраст с напористостью Н.Н. Муравьева-Амурского, который на китайскую сторону откровенно давил. Экспедиция подполковника К.Ф. Будогосского, отправленная из Иркутска кустью Уссури в январе 1859 года, нанесла на карту предполагаемую границу с Китаем. Топографами был основан первый военный пост на озере Ханка – Турий Рог, а в июне 1859 года они разбили лагерь на берегу залива Посъет, назвав это место бухтой Экспедиции. Между тем Н.Н. Муравьев-Амурский, не надеясь на российский МИД, отправляет личное послание в Пекин, уведомляя, что «медлить окончанием всех этих дел... неосновательною перепискою не должно, а необходимо сколь возможно поспешнее кончить, и что именно для скорейшего исполнения трактатов с моей стороны уже отправлены в места общего владения между Уссури и морем полковник Будогосский и чиновник Шишмарев, для проведения граничной черты... а сам я отправляюсь с воен-

ными судами в те же места безотлагательно».

В июне 1859 года Н.Н. Муравьев-Амурский осмотрел с борта пароходо-корвета «Америка» побережье от мыса Поворотного до реки Тюмень-Ула (Туманган), встретился в Новгородской бухте (залив Посьета) с отрядом К.Ф. Будогосского, на месте познакомился с линией будущей сухопутной границы... Между тем в специальной инструкции российского МИДа, доставленной сюда курьером, говорилось, что границу следует «закончить у моря, не уклоняясь к югу», чтобы не захватить Посьетскую гавань и устье Тюмень-Улы. Генерал-губернатор имел другое мнение и практически действовал самостоятельно, вопреки указаниям дипломатического ведомства.

25 июля 1859 года Н.Н. Муравьев-Амурский в частном письме сообщал из залива Посьета генерал-майору М.С. Карсакову, в то время военному губернатору Забайкальской области: «Бухту Посьета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-Улы, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но оказывается необходимо: в бухте Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы ее захватили при первом разрыве с Китаем. Я уверен, что убеждение это подействует и в Пекине. При устье реки Суй-Фуна, немного северо-восточнее бухты Посьета, множество прекрасных заливов. Вообще все это пространство морского берега, от Посьета до Поворотного мыса, верст на 200, изобилует пре-

красными заливами и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что англичане (если бы это оставалось китайским) все захватили бы, тем более, что в 1855 году они все эти места видели, описали и даже карты издали».

Итак, российское «убеждение» подействовало – ввиду вполне реальной угрозы обоснования здесь англичан Китаем было сочтено за лучшее уступить настойчивому требованию России. Вычерченные лично К.Ф. Будогосским карты были доставлены в Пекин и там официально признаны. Разграничительная линия в итоге отошла от реки Уссури по реке Сунгача, пересекла озеро Ханка, прошла по горам и уперлась в территорию Кореи в 20 китайских ли (около 11.5 километров) выше впадения реки Тюмень-Ула (Туман-ган) в Японское (Восточное) море. Карта с обозначением линии этой границы стала частью Пекинского трактата, подписанного в ноябре 1860 года и окончательно закрепившего все ранее не решенные вопросы российско-китайских отношений. В соответствии с Пекинским трактатом в состав Приморской области России был включен Южно-Уссурийский край, и таким образом разграничение между Россией и Китаем распространилось на корейские пределы: естественным образом была установлена пограничная линия между Российской империей и Королевством Чосон (Корейским королевством), которое в то время в лице цинского Китая признавала своего сюзерена. Пограничные столбы на крайнем участке границы между Россией и Китаем – от озера Хан-

ка до моря – были установлены в 1861 году. С этого времени в нижнем течении реки Туманган Корея стала практически граничить с Россией, хотя на официальном межгосударственном уровне это никак не было отражено.

Впрочем, некоторые исследователи утверждают, что по крайней мере в продолжение еще нескольких лет факт установления границы не был известен центральному корейскому правительству. Как известно, официальные дипломатические отношения между Россией и Кореей были установлены только в 1884 году. Тем не менее прямые межграницные отношения на бытовом уровне начали проявляться с начала 1860-х годов;

Кто жил в Южно-Уссурийском крае

Южно-Уссурийский край ко времени заключения Пекинского трактата был очень неплотно населен аборигенными народами и частично – выходцами из Китая (манзами), которые жили в основном по долинам рек Суйфун (Раздольная), Лефу (Илистая), Дау-бихэ (Арсеньевка), Улахэ (Уссури), Цимухе (Шкотовка) и Сучан (Партизанская). По данным одного из первых исследователей края, подполковника Генерального штаба И.П. Надарова, в 1860 году в Уссурийском крае проживало 872 души манзовского оседлого населения (И.П. Надаров. Инородческое население Уссурийской страны (Северно- и Южно-Уссурийского края). Владивосток, ОИАК, 1885 г.). При подсчете автор опирался на сведения подполковника корпуса лесничих А.Ф. Будищева, обследовавшего край в 1860–1864 годах, и перепись В. Висленева 1878–1879 годов (о ней речь впереди). Добавляя в общий состав населения также немногочисленных аборигенов, о проживающих в крае в 1860 году корейцах

И.П. Надаров не сообщает. В той же работе он подытоживает: «До 1863 года инородческое население Уссурийской страны состояло из манз, гольдов и ороحوнов. Корейцы стали появляться в наших пределах только с 1863 года» (И.П. Надаров. Инородческое население Уссурийской страны...).

Совпадают с этими данными и личные впечатления оче-

видца – второго (после прапорщика Н.В. Комарова) начальника поста Владивосток лейтенанта Е.С. Бурачка, жившего здесь в 1861–1863 годах и неоднократно совершавшего поездки на юг края, в район залива Посъета, и в китайский город Хуньчунь. «Жители здешних мест, выходцы из Китая, называют себя манза... Кроме манз, в этом крае есть очень малочисленное племя таза, имеющее жен» (Е.С. Бурачек. Воспоминания заамурского моряка. Жизнь во Владивостоке. 1861–1862 гг. ОИАК, Владивосток, 1999). О корейцах он также не упоминает.

Имеются сведения, что первые корейцы-одиночки появились на этой ничейной территории (возможно, и не предполагая, что она может принадлежать какому-то государству) в 1857 году или даже в первой половине 50-х годов XIX века. Например, современная исследовательница С.Г. Нам считает, что «в Южно-Уссурийском крае до его присоединения к России проживала какая-то часть поселившихся еще во времена китайского господства корейцев, численность которых установить не было возможности»; эти, по ее мнению, несколько тысяч человек жили «вдали от людских глаз с куском самозахваченной казенной земли».

В обширном отчете уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье» указывается: «Еще до 1863 года во Владивостоке и в Южно-Уссурийском уезде (тогда округе) стали появляться корейцы одиночками в небольшом количестве, ис-

ключительно на летние заработки, возвращаясь осенью обратно».

Некоторые исследователи, используя данные переписи корейского населения Владивостокского округа 1929 года, косвенным методом «обратного отсчета» вычисляют, что корейцы селились в нынешнем Приморье с 1849 года. По данным корейских историков, после заключения Пекинского трактата на территории России оставалось на поселении 5130 корейцев (761 семья), однако официальных подтверждений этому факту в российских документах не найдено.

И вот пришли русские...

Как известно, летом 1860 года были основаны первые военные посты в Южно-Уссурийском крае – Новгородский в заливе Посьета и Владивосток. Приграничные китайские (маньчжурские) власти отнеслись к приходу русских настороженно и даже недружелюбно; среди китайцев бытовало мнение, что занятие Россией Южно-Уссурийского края – явление временное. Так, зимой 1860–1861 гг. «явились китайцы к Ч. (имеется в виду штабс-капитан И.Ф. Черкавский, начальник Новгородского поста с июня 1860 года по июль 1863 года – В.П.) с объявлением, что на него будет сделано нападение, для которого хунчунский начальник собрал в городе более 600 человек войска» (Е.С. Бурачек. Воспоминания заамурского моряка...). Через несколько дней в пост Новгородский прибыли два китайских чиновника в сопровождении свиты и конвоя из 30 маньчжур. Они потребовали от И.Ф. Черкавского, «чтобы он оставил пост со всеми людьми». На следующий день дело дошло даже до перестрелки между российскими и китайскими (маньчжурскими) войсками... В феврале 1862 года, когда лейтенант Е.С. Бурачек поехал в город Хуньчунь, он не решился открыть свою должность, назвав себя купцом, а местный нойон, которому Е.С. Бурачек вручил текст Пекинского трактата на китайском языке, заявил: «Этого трактата мне не присыла-

ли, а потому пускать русских купцов в Хуньчунь не могу...».

В январе 1863 года в Хуньчунь с целью установления торговых отношений вновь приезжали Е.С. Бурачек и купец Я.Л. Семенов, но «встретили такую массу препятствий со стороны китайских властей, что из их попытки ничего не вышло, кроме жалобы местных властей своему высшему правительству и переписки, затеянной последним с нашим посланником в Пекине» (Н.П. Матвеев. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Уссури, 1990).

Из приведенных примеров понятно, что китайские (маньчжурские) власти приграничных территорий стремления установить добрососедские связи не проявляли. Находящиеся под сильным влиянием цинского Китая корейцы также вели себя крайне осторожно, так что в этот период ни о каком свободном переселении корейцев на русскую территорию не могло быть и речи. Приведем еще одно свидетельство очевидца. Все тот же Е.С. Бурачек писал в журнал «Морской сборник» в декабре 1862 года: «Несколько корейцев с семьями желают переселиться на нашу землю; их заманивает 20-летняя льгота не платить податей, но они боятся, что русские солдаты будут отнимать у них жен. Подобные басни, как оказывается, распускают китайские чиновники, которые лишаются нескольких лан серебра (лан около 8 золотников) с каждой семьи. Весной узнаем, насколько корейцы самостоятельны...».

Русский торговец И. Носков, ездивший летом 1862 го-

да по торговым делам из Новгородской гавани в заливе Посьета в китайский город Хуньчунь, писал, что «отношения наши к китайцам, которых здесь называют манзами, и корейцам установились весьма и довольно благоприятно. Все они ищут источников для сбыта своих произведений, приобретая от нас преимущественно серебро». При встрече И. Носкова с корейскими торговцами последние сообщали, что «если они торгуют с русскими, то тайно» от своих пограничных властей, которые «если узнают об этом, то все купленное отнимают», как делают с ними и маньчжурские власти, «когда поймают корейца на их стороне». «Я вынес впечатление, – писал И. Носков, – что корейцы весьма желают с нами сблизиться и торговать, и будут делать это, разумеется, тайно от своих начальников, пока не будет дано дозволения, которое нужно добиваться дипломатическим путем; а между тем полезно было бы оказать покровительство этой торговле. Оставляя это дело без внимания не следует, – народ корейский стоит того, чтобы с ним сблизиться» (И. Носков. Отношения русских к китайцам и корейцам. – Кяхтинский листок, 1862, 10 сентября. Цитируется по: Б.Д. Пак. Корейцы в Российской империи).

Жившие близ границы корейцы, безусловно, на уровне слухов знали, что происходит по другую сторону реки Туманган (вспомним зафиксированную А.Я. Максимовым легенду о Белом Царе как спасителе корейцев от всех бед). Так что трансграничный стихийный обмен начался как бы сам

собой, вполне естественным образом. Уже упомянутая С.Г. Нам замечает по этому поводу: «В приграничных землях любых государств бывают взаимные разрозненные просачивания населения через границу, и это всегда рассматривалось как естественное, как исторически неизбежное и потому обычное явление» (С.Г. Нам. Российские корейцы: история и культура...). Надо также отметить имеющиеся неофициальные сведения о том, что русская администрация края низшего звена «заманивала» корейцев – жителей соседних территорий под свое покровительство. Так, публицист В.И. Вагин впоследствии отмечал, что «поводом к эмиграции отчасти было приглашение прежних начальников поста».

«... Со времени основания в 1860 году Новгородского поста в заливе Посъета его первый начальник капитан Чернявский (правильно И.Ф. Черкавский – В.П.) сумел привлечь к себе корейцев, защищая их от нападений китайских разбойников, которые вторгались с территории Маньчжурии. Вследствие этого зимой, когда бухта Экспедиции замерзала и сообщение с Кореей делалось удобным, корейцы, минуя китайскую территорию, из пограничного корейского города Кёнхын приходили в Новгородский пост со скотом для продажи. Они предлагали Чернявскому свои услуги в части нахождения «новых охотников для переселения», если позволят им привести с собой семейства» (Б.Д. Пак. Корейцы в Российской империи...). Как в этой обстановке действовал И.Ф. Черкавский – будет сказано несколько ниже, а сейчас

посмотрим на проблему несколько шире.

После присоединения Южно-Уссурийского края перед российскими властями встала задача освоения восточных окраин страны или, как тогда без стеснения говорили, колонизации новых территорий. Брошенные «на прорыв» казаки Амурского казачьего войска, разумеется, ввиду своей малочисленности решить эту проблему не могли: их по большому счету не хватало даже для охраны пограничной линии. Требовалось перемещение к берегам Тихого океана огромного количества людей, которые могли бы стать рабочей силой – главным ресурсом колонизации. Между тем переселение русских крестьян из центральных и западных губерний шло крайне незначительными темпами. По данным Ф.Ф. Буссе, который много лет занимался переселенческим делом, в течение 1863–1870 годов в Южно-Уссурийский край переселилось 2266 человек русских крестьян. Распределение по годам было следующим: 1863 год – 361, 1864 год – 382, 1865 год – 95, 1866год—731,1867год-230,1868 год—360,1869год-252,1870год-651 человек, а в период 1871–1882 годов – всего 632 человека. Причем хуже всего шло организованное заселение крайнего юга Уссурийского края, где он граничил с Кореей. Позже, подводя итоги этого процесса, уполномоченный Министерства иностранных дел Б.В. Граве отмечал: «Одновременно русское переселение в Посьетский участок шло медленно, и даже поселившиеся в районе ныне Ново-Киевского Урочища (район совр. с. Крас-

ки-но Хасанского района) русские крестьяне не нашли здесь для себя пригодных земель для хлебопашества и переселились севернее, в окрестности озера Ханка и р. Уссури»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.